

Балашов Иван Владимирович

соискатель

Институт технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА –
Российский технологический университет»

г. Москва

ВОПРОСЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ XIX ВЕКА

***Аннотация:** статья посвящена изучению доктринальных подходов и законодательных новаций XIX века в сфере правосубъектности. Первостепенной задачей исследования является реконструкция доктринальных воззрений через призму трудов М.М. Сперанского, К.П. Победоносцева, Д.И. Мейера и других цивилистов. Ключевым аспектом выступает исследование влияния Судебных уставов 1864 года на трансформацию правосубъектности. Особое внимание уделяется выявлению системных противоречий между законодательными установлениями и правоприменительной практикой.*

***Ключевые слова:** правосубъектность, правоспособность, дееспособность, судебная реформа 1864 года, судебные уставы 1864 года, Свод Законов Российской Империи.*

Эволюция концепции правосубъектности в российской цивилистике XIX века представляет собой ключевой этап формирования современного понимания субъектов права. Судебные реформы 1864 года выступили катализатором переосмысления природы правоспособности и отразили переход от сословных привилегий к формально-правовому равенству, сохранив при этом существенные ограничения. В этой связи, научная проблема исследования обусловлена недостаточной изученностью диалектического противоречия между абстрактными положениями Свода законов и их практической реализацией. Нормативное закрепление всеобщей правоспособности вступало в конфликт с сохранявшимися сословными, гендерными и имущественными ограничениями. Данное несоответствие порождало существенные коллизии в судебной практике, требующие

специального осмысления. Преодоление этого исследовательского пробела способствует адекватному пониманию генезиса правосубъектности. Исходя из сказанного выше актуальность заявленной тематики определяется необходимостью историко-правового анализа для решения современных проблем гражданского права.

Говоря о понятии правосубъектности в дореформенной России следует отметить, что в начале XIX века российская цивилистика находилась под влиянием естественно-правовых концепций, унаследованных от эпохи Просвещения [11, с. 34–39]. Правосубъектность рассматривалась как врожденное качество личности, вытекающее из природы человека. Эта парадигма предполагала универсальный характер правоспособности, теоретически независимой от государственного признания. Однако такое абстрактное понимание постепенно уступало место практическим потребностям правового регулирования. К середине столетия на смену естественно-правовым идеям пришло позитивистское понимание правосубъектности как категории, производной от воли законодателя [4, с. 123–132; 9, с. 35]. Д.И. Мейер и К.А. Неволин подчеркивали необходимость четкого законодательного закрепления правового статуса субъектов [13, с. 34–36; 18, с. 68]. Свод законов Российской Империи 1832 года стал первым систематизированным выражением этой тенденции, хотя и сохранял сословные ограничения.

В целом, дореформенный период характеризовался активными дискуссиями о соотношении правоспособности и дееспособности. Если правоспособность признавалась всеобщей, хотя и с сословными модификациями, то дееспособность трактовалась как способность к самостоятельному осуществлению прав. Ученые спорили о критериях дееспособности, особенно в контексте возрастных, гендерных и имущественных ограничений [20, с. 45–46]. Ограничения дееспособности, закрепленные в законодательстве, создавали практические проблемы в реализации субъективных прав. Правительство осознало, что нельзя ограничиваться лишь изменением системы судебных органов, поскольку недостатки коренились и в отсталых правилах процесса. Все это говорило о необходимости

коренной реформы судебного права в России, интенсивная подготовка которой началась в 50–60-х годах XIX в. и завершилась изданием замечательных актов эпохи – Судебных уставов 1864 г [6, с. 14] Эти процессы свидетельствовали о постепенном переходе от теоретических построений к системному законодательному регулированию.

Следует отметить, что российские цивилисты XIX века активно обращались к римскому праву как источнику базовых конструкций правосубъектности [12, с. 45–48]. Заимствовались такие категории, как правоспособность (*caput*) и дееспособность, которые и легли в основу отечественной доктрины. Адаптация римских принципов осуществлялась через призму национальных правовых традиций и потребностей развивающегося гражданского оборота, что позволяло сохранить системность юридического мышления применительно к российским реалиям. При этом, ключевым аспектом рецепции стало переосмысление римских концепций личности в контексте сословного общества Российской Империи. Юристы выделяли элементы правового статуса, связанные с имущественными отношениями, сохраняя при этом специфику местного законодательства. Такая переработка античных правовых моделей способствовала формированию теоретического фундамента для последующих кодификаций [25, с. 137–140].

Помимо римского права, определяющее влияние на теоретическое обоснование правосубъектности оказала немецкая классическая философия, в особенности учения И. Канта о автономии воли и Ф. Гегеля о правовом признании личности. Российские правоведы восприняли идею о том, что субъект права есть носитель свободной воли, обладающий способностью к самоопределению в правовом поле, что позволило перейти от узкого догматического понимания к концепции правосубъектности как общеправовой категории [21, с. 45–49; 10, с. 69–76].

Синтез римско-правовых конструкций и немецкой философской традиции породил оригинальную российскую доктрину правосубъектности. Российские цивилисты соединили формально-юридическую строгость римских институтов с диалектическим пониманием личности как правового центра отношений. Именно этот подход проявился в трудах ведущих юристов эпохи, где категория

субъекта права обрела системное теоретическое обоснование., что привело к формированию целостной концепции, сочетавшей практические потребности правоприменения с философской глубиной.

Так, в трудах М.М. Сперанского концепция правосубъектности формировалась на стыке естественно-правовых и позитивистских подходов. Работа М.М. Сперанского над Сводом законов Российской Империи демонстрировала попытку систематизации юридических норм с учётом философских оснований права. М.М. Сперанский подчёркивал необходимость сочетания теоретических принципов с практическими потребностями правоприменения, что позволяло создать более гибкую модель регулирования правового статуса субъектов. Особое внимание М.М. Сперанский уделял различению правосубъектности физических и юридических лиц. Рассмотрение правоспособности как производной от воли государства, сближало М.М. Сперанского с позитивистской доктриной, но признание естественных прав личности указывало на сохранение элементов естественно-правовой традиции [22, с. 89–91]. Представляется, что именно данный синтез стал методологической основой для последующего развития цивилистической мысли в России.

Существенный вклад в разработку категории субъекта права через призму консервативной правовой парадигмы внес К.П. Победоносцев. Его подход отличался критическим отношением к абстрактным теориям правосубъектности, акцентируя внимание на исторически сложившихся правовых институтах. К.П. Победоносцев подчёркивал значение конкретных субъективных прав, возникающих из семейных, имущественных и обязательственных отношений, что отражало стремление увязать доктринальные построения с реальными социальными условиями [19].

Систематизация учения о правосубъектности достигла завершения в работах Д.И. Мейера, который предложил чёткое разделение правоспособности и дееспособности. В интерпретации Д.И. Мейера правоспособность выступала как абстрактная возможность иметь права, тогда как дееспособность связывалась с самостоятельным осуществлением правомочий. Д.И. Мейер детально

проанализировал условия возникновения и прекращения правосубъектности для различных категорий лиц, его учебник гражданского права стал важным этапом в оформлении российской цивилистической доктрины [13, с. 20–28].

Судебная реформа 1864 года кардинально преобразовала судоустройство Российской Империи. Введение принципов независимости судебной власти и состязательности сторон создало предпосылки для переосмысления традиционных подходов к правосубъектности. Эти изменения позволили перейти от сословно-иерархической модели к более универсальным критериям определения правового статуса. С принятием Судебных уставов во второй половине XIX в. были сформированы независимый судебный корпус, прокуратура, институт присяжных поверенных (адвокатов), новое развитие получили системы юридического образования и нотариата. Данные институты обеспечили профессиональное толкование норм о правосубъектности, что способствовало её формализации и освобождению от архаичных ограничений [1, с. 60–64; 6, с. 14–17].

Учреждение мировых судов и судебных палат создало двухуровневую систему, обеспечившую единообразие судебной практики. Новые органы, в отличие от прежних сословных судов, руководствовались чёткими процессуальными правилами при определении правового статуса участников гражданских правоотношений, что способствовало формированию предсказуемых критериев признания правосубъектности. Деятельность обновлённой судебной системы позволила выработать единые подходы к вопросам правоспособности и дееспособности, судебные решения стали играть ключевую роль в конкретизации законодательных положений о субъектах права, особенно в отношении ранее маргинализованных групп. Систематизация судебной практики способствовала переходу от казуальных оценок к доктринальным основаниям признания правосубъектности [16, с. 50–55].

Следует отметить, что судебная реформа 1864 года не устранила полностью сословные различия в правоспособности. Крестьянство продолжало сталкиваться с существенными ограничениями, сохранявшимися в гражданском обороте и судопроизводстве. Как отмечают исследователи, «сохранение сословного

строю не позволяло последовательно провести принцип равенства всех перед судом, поэтому сохранялись сословные суды, в первую очередь для крестьян. Это создавало правовой дуализм, затруднявший формирование единого гражданского пространства. В отличие от крестьян, купеческое и мещанское сословия получили расширенные права после реформ. Купцы первой гильдии приобрели возможность участвовать в крупных коммерческих сделках без дополнительных ограничений. Мещане, хотя и уступали в объёме прав купечеству, получили доступ к городскому самоуправлению и судам общей юрисдикции. Однако сохранявшаяся сословная иерархия продолжала определять объём правоспособности индивидов [7, с. 161].

Ключевым ограничителем правосубъектности оставался гендерный фактор. Замужние женщины не могли самостоятельно распоряжаться приданным или заключать договоры без согласия супруга. Исключение составляли вдовы и незамужние совершеннолетние женщины, чья правоспособность приближалась к мужской. Такие ограничения основывались на патриархальных представлениях о семейном устройстве, закреплённых в Своде законов. В процессуальной сфере женщины также сталкивались с барьерами: они не могли выступать поверенными в судах, за исключением представительства собственных интересов или интересов ближайших родственников. Купчихи, управлявшие семейным предприятием, получали ограниченную дееспособность через специальные торговые свидетельства [5, с. 347–349].

Возрастные критерии дееспособности в XIX веке эволюционировали от формальных границ к более гибким подходам. Совершеннолетие наступало в 21 год, но несовершеннолетние мужчины с 17 лет могли участвовать в торговых операциях с согласия попечителей. Для вступления в брак устанавливались пониженные возрастные цензы: 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин, что отражало традиционные представления о социальной зрелости. Судебная практика постепенно гуманизировала подход к правовому статусу несовершеннолетних [23, с. 134–139].

Развитие концепции юридического лица характеризовалось постепенным переходом от публично-правовых образований к частным объединениям. В дореформенный период основным субъектом гражданских правоотношений публично-правового характера выступала казна, чей статус определялся через призму государственного суверенитета. Российская цивилистика воспринимала казну как единого и неделимого представителя государственных интересов в имущественном обороте, что отражало сосредоточение экономической власти в руках монархии. Судебная реформа 1864 года инициировала процесс дифференциации правосубъектности публичных образований, позволив отдельным ведомствам и учреждениям участвовать в гражданском обороте самостоятельно. Расширение правосубъектности государственных учреждений сопровождалось разработкой критериев их участия в гражданско-правовых отношениях. Законодательство второй половины XIX века постепенно признавало за отдельными административными единицами право приобретать имущество и заключать сделки. Это создавало предпосылки для формирования представления о государственных органах как особых субъектах права, отличных от казны в её традиционном понимании [2, с. 83–93].

Легитимация частных объединений как субъектов права стала следствием развития капиталистических отношений и потребностей промышленного роста. Торговые товарищества и акционерные компании, ранее существовавшие на основе разрешительной системы, получили законодательное оформление своего статуса. Принятие Положения о компаниях на акциях 1836 года заложило основы для признания имущественной обособленности коммерческих организаций. Процесс признания правосубъектности общественных организаций отличался большей противоречивостью из-за опасений властей относительно их политической роли. Тем не менее, судебная практика постепенно расширяла круг допустимых частных объединений, допуская их участие в гражданском обороте при условии регистрации. Это способствовало формированию представления о корпоративных образованиях как самостоятельных носителях прав и обязанностей [2, с. 80–88].

Формирование доктринальных критериев юридического лица в российской цивилистике происходило под влиянием немецкой правовой мысли. Д.И. Мейер и другие учёные выделяли имущественную обособленность как ключевой признак, позволяющий отличать юридическое лицо от простого объединения лиц [13, с. 45–46]. Данный подход получил развитие в трудах Г.Ф. Шершеневича, подчёркивавшего необходимость наличия у организации обособленного имущества для самостоятельного участия в обороте [24, с. 57–58]. Концепция самостоятельной ответственности юридического лица формировалась через анализ практики деятельности акционерных обществ и торговых домов. Российские цивилисты обосновывали ограничение ответственности участников объединения размерами их вкладов, что создавало теоретическую базу для современного понимания правосубъектности организаций. Эти доктринальные положения постепенно находили отражение в судебных решениях, закрепляя имущественную автономию как сущностный признак юридического лица.

В целом, Своды законов Российской Империи закрепили абстрактные принципы правосубъектности, отражающие теоретические достижения цивилистики XIX века. В законодательстве были сформулированы общие положения о правоспособности и дееспособности субъектов гражданского права. Эти нормы базировались на концепциях естественного права и позитивизма, получивших развитие в юридической науке того периода. Формальное равенство правовых возможностей провозглашалось как основа гражданско-правовых отношений. Теоретическая конструкция правосубъектности в Сводах законов проявлялась в статьях, определявших начало и прекращение гражданской правоспособности. Законодатель выделял общие условия приобретения прав и обязанностей, независимо от сословной принадлежности. Однако эти положения носили декларативный характер, поскольку не учитывали социальную стратификацию российского общества, тогда как абстрактность правовых норм создавала разрыв между юридической теорией и практикой их применения.

Практическая реализация законодательных конструкций сталкивалась с существенными ограничениями, обусловленными сословной структурой

общества, формальное провозглашение равенства правоспособности противоречило реально существовавшим привилегиям дворянства и ограничениям для крестьянского сословия. Особенно заметными были различия в имущественных правах и возможности участия в гражданском обороте. Законодательные нормы не могли преодолеть сложившуюся систему социальных отношений, и судебная практика демонстрировала многочисленные случаи несоответствия абстрактных норм реальным правоотношениям. Так, ограничения правосубъектности крестьян проявлялись в запретах на совершение сделок без согласия помещика или общины; женщины, формально обладая правоспособностью, фактически сталкивались с ограничениями в распоряжении имуществом [8, с. 46–48]. Эти примеры свидетельствуют о глубоком противоречии между законодательными установлениями и социальной действительностью имперской России.

Вместе с тем, выступая высшей кассационной инстанцией, Сенат вырабатывал правовые позиции по вопросам ограничения дееспособности отдельных категорий лиц. Его решения создавали прецеденты толкования законодательных пробелов в условиях отсутствия систематизированных норм о правовом статусе субъектов. Особое значение имела сенатская практика по делам о правосубъектности женщин, крестьян и иностранцев. Разрешая коллизии между нормами Свода законов и местными обычаями, Сенат фактически корректировал законодательные установления, что позволяло адаптировать абстрактные положения о правоспособности к конкретным социально-экономическим реалиям Российской Империи [8, с. 56–57].

Местные судебные органы также осуществляли конкретизацию законодательных норм через казуальное толкование. Окружные суды и судебные палаты, сталкиваясь с противоречиями в регулировании правового статуса субъектов, вырабатывали практические подходы к разрешению споров, в частности, их решения учитывали региональные особенности правоприменения, что способствовало преодолению формализма закона. Кроме того, в практике местных судов прослеживалась тенденция к расширительному толкованию правоспособности отдельных групп населения. Так, при рассмотрении дел о семейных и

имущественных правах судьи нередко выходили за рамки сословных ограничений, закреплённых в законодательстве [8, с. 59–60]. Такая правоприменительная гибкость компенсировала несовершенство нормативной базы.

Таким образом, судебная доктрина постепенно становилась самостоятельным источником развития материального права в условиях законодательного консерватизма и эволюция судебной практики демонстрирует опережающий характер правоприменения относительно законодательных установлений.

Судебная практика XIX века демонстрировала устойчивую корреляцию между имущественным положением субъекта и объёмом его гражданской правоспособности. Суды общей юрисдикции при рассмотрении дел о заключении договоров и распоряжении имуществом учитывали финансовую состоятельность участников правоотношений. При этом, особое внимание уделялось анализу платёжеспособности при установлении дееспособности лиц, что находило отражение в протоколах заседаний [17, с. 39–40]. В делах о признании сделок недействительными суды руководствовались принципом соразмерности имущественных обязательств реальным возможностям сторон, ярким примером чего служили ограничения правомочий несостоятельных должников, чья правоспособность существенно сужалась решением суда. Таким образом, судебная практика отражала стремление к балансу между формальным равенством и учётом фактического положения сторон. Мировая юстиция была нацелена на формирование представлений народа о гуманном правосудии и утверждение осознания человеческого достоинства в менталитете российского народа. Этот принцип проявлялся в дифференцированном подходе к определению объёма правоспособности в зависимости от имущественного статуса [15, с. 15].

Заканчивая статью, представляется необходимым отметить, что концепция правосубъектности в российской цивилистике XIX века претерпела качественную трансформацию: от сословно-ограничительных подходов, характерных для дореформенного периода, до формирования универсальной правоспособности. Этот процесс стал результатом синтеза естественно-правовых идей с

позитивистской систематизацией законодательства, что нашло отражение в трудах М.М. Сперанского и Д.И. Мейера.

Судебная реформа 1864 года выступила катализатором дифференциации правосубъектности, закрепив дуализм правового регулирования. С одной стороны, она расширила процессуальную дееспособность физических лиц с учётом сословных, гендерных и возрастных особенностей. С другой – легализовала юридические лица как полноправных субъектов гражданского оборота через механизм судебного прецедента, что стало важным шагом в развитии частноправовых отношений.

Анализ судебной практики свидетельствует о противоречиях между абстрактным характером правоспособности по Своду законов Российской Империи и её реализацией. Фактические ограничения, обусловленные имущественным цензом, гендерными различиями и сословными барьерами, формировали многоуровневую систему субъектов права. Судам приходилось преодолевать эти коллизии, создавая живую ткань правоприменения вопреки законодательным проблемам.

В целом исторический опыт XIX века демонстрирует органическую связь правосубъектности с социально-экономическим развитием общества и предлагает современному законодателю модель баланса между унификацией правового статуса и дифференциацией правового регулирования. Представляется, что этот принцип сохраняет актуальность в контексте современных дискуссий о правосубъектности.

Список литературы

1. Бородавкин С.М. Реформа 1864 года и ее влияние на становление профессиональной адвокатуры в России / С.М. Бородавкин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2025. – №8. – С. 60–64.
2. Ботанцов Д.В. Классификация юридических лиц Российской Империи / Д.В. Ботанцов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – №3 (43). – С. 80–88. DOI 10.25688/2076-9113.2021.43.3.09. EDN IZRSGJ

3. Ботанцов Д.В. Статус юридического лица в Российской Империи в контексте развития правовых учений / Д.В. Ботанцов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – №1. – С. 83–93. DOI 10.24412/2309-152-2023-1-83-93. EDN NALHXI

4. Галустян И.В. Позитивистское и метафизическое понимание сущности права / И.В. Галустян, А.П. Лобовской, И.Ю. Жердев // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – Т. 2. №13. – С. 123–132. EDN LJBCDM

5. Давыдова А.Д. Правовое положение женщин в России XIX – начале XX вв. / А.Д. Давыдова // Молодой ученый. – 2017. – №10 (144). – С. 347–349. EDN YFWLBV

6. Дорская А.А. Судебная реформа 1864 года: проблема единства судебной системы / А.А. Дорская // Платон. – 2015. – №2. – С. 14–17. EDN VRJCRA

7. Дорская А.А. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах / А.А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2019. – 606 с. EDN BSFWAH

8. Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности в Российской Империи: монография / Н.В. Дунаева. – СПб.: СЗАГС, 2010. – 471 с. EDN QRVTON

9. Калинин А.Ю. Вопросы правообразования с позиций структурно-функционального подхода: монография / А.Ю. Калинин. – М.: Юрист, 2011. – 453 с.

10. Коротких В.И. «Русский Гегель»: очерк истории восприятия философии Гегеля в России / В.И. Коротких // История: факты и символы. – 2014. – №1–2. – С. 69–76. EDN ZJZZTV

11. Куницын А.С. Западная философия права и Российская естественно-правовая мысль: опыт соотношения идей и почвы / А.С. Куницын // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – №3 (41). – С. 34–39.

12. Летяев В.А. Рецепция римского правового наследия гражданским правом России: вопросы теории и истории сравнительного правоведения / В.А. Летяев. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. – 147 с. EDN QXBDGZ

13. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Д.И. Мейер. – М., 1873. – 175 с.

14. Мейер Д.И. Избранные труды / Д.И. Мейер. – В 3 т. М.: Статут, 2022.
15. Мейер Д.И. Очерк русского вексельного права: чтения Д.И. Мейера в Казан. университете, изданные по запискам слушателей / Д.И. Мейер. – Казань: Универ. тип., 1857. – 106 с.
16. Метшин И.Р. Судебная реформа 1864 года как фактор государственного единства Российской Империи / И.Р. Метшин // Российская юстиция. – 2024. – №2. – С. 50–55. DOI 10.52433/01316761_2024_02_50. EDN MPUEFB
17. Мкртумян А.Ю. Судебный прецедент и судебная практика в Российской Империи (теоретический аспект) / А.Ю. Мкртумян // Российский судья. – 2009. – №10. – С. 39–41. EDN KZFCEN
18. Неволин К.А. История российских гражданских законов / К.А. Неволин. – Ч. 2. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1857. – 236 с.
19. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 3. Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. – URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/17/?ysclid=mknu8> (дата обращения: 12.05.2026).
20. Самонкин Ю. История гражданского права России / Ю. Самонкин. – М., 2019. – 364 с.
21. Соломко З.В. На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российской правопонимании / З.В. Соломко // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – №1. – С. 45–49. EDN OPEHHH
22. Сперанский М.М. О законах. Избранные работы и письма / М.М. Сперанский. – М.: Юрайт, 2025. – 267 с.
23. Феднева Н.Л. Проблемы возраста, вины и ответственности детей в законодательстве Российской Империи / Н.Л. Феднева // Защити меня. – 2023. – №1. – С. 134–139. EDN YQFRNS
24. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1911. – 316 с.

25. Эскиева Л.В. Роль римского права в истории права и его значение в истории юриспруденции / Л.В. Эскиева // Вестник научной мысли. – 2022. – №3. – С. 137–140. DOI 10.34983/DТИРВ.2022.36.65.001. EDN PWGDDC